

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ III.

ХАРЬКОВЪ, СУББОТА, 1 ЯНВАРЯ (13) 1883 ГОДА.

№ 887

Слѣдующій № „Южнаго Края“ выйдеть 3-го января.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Въ газетѣ „Южный Край“ принимаютъ участіе слѣдующіе лица: Н. С. Аванковъ, профес. П. А. Безсоновъ, Д. И. Багалъ, Е. М. Бабичъ, П. Н. Бучинскій, В. В. Ванчаковъ, Е. А. Ганейзеръ, В. М. Гаршинъ, Ю. И. Говорухо-Отропъ, П. Н. Горюховъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Давыдовъ, Н. Н. Делатовъ, А. М. Калмыкова, баронъ Н. А. Корфъ, доцентъ П. И. Ковалевскій, Н. И. Костомаровъ, доцентъ П. И. Морозовъ, проф. Ю. И. Морозовъ, А. Ф. Мейсусъ, профес. В. И. Надлеръ, проф. А. И. Палийковскій, Н. П. Саенчикъ, В. И. Сивалевскій, И. О. Фесенко, Л. А. Хитрово, Н. И. Чернышевъ, проф. В. И. Шеридъ, Г. И. Шрейдеръ и мног. друг.

Редакция имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южнаго Края: Азовъ, Аккерманъ, Александрію, Александровскъ, Ахтырскъ, Ашхабадъ, Бердичевъ, Бахчисарай, Березанскъ, Ботодуровъ, Бѣлгородъ, Бѣлопольскъ, Бирючъ, Бахмутъ, Балаша, Верхнедубровскъ, Волчанскъ, Воронежскъ, Гадячъ, Грайворонъ, Глуховъ, Голотино, Елсандропольскъ, Екатеринославъ, Елецъ, Житомиръ, Зеньковъ, Зиньскъ, Золотоноша, Золочевъ, Изюмъ, ст. Каменской, Киевъ, Кичинскъ, Кобелякъ, Козельскъ, Котловскъ, Константинополь, Корюкъ, Кременчугъ, Кролевецъ, Куликскъ, Курскъ, Керчь, Киселовскъ, Купяскъ, Лебедянь, Липецкъ, Лубовскъ, Луганскъ, Заводъ, Мозырь, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Николаевъ, Николаевъ, Нѣжинъ, Новомиргородъ, Новоросковскъ, Новогородъ-Сѣверскъ, Нахичевань-на-Дону, Новомиргородъ, Одесса, Орловъ, Полтава, Павлоградъ, Песчанскъ, Путятинъ, Пирятинъ, Прилуки, Пятигорскъ, Ромашки, Ростовъ-на-Дону, Ровно, Скаковъ, Славянскъ, Славяносербскъ, Старопольскъ, Старобѣльскъ, Старосѣльскъ, Симферополь, Семацкопскъ, Суджскъ, Суражскъ, Тамбовъ, Тифлискъ, Тараскъ, Тагаровъ, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдковскій, Херсонъ, Хоролъ, Черниговъ, Черкасскъ, Эривань, Ялта, Феодосія и друг.

Кромѣ постоянныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга и Москвы, редакция обязалась получать свѣдѣнія изъ большихъ центровъ Западной Европы и Америки.

ПОДПИСНА ЦЕНА:

На 12 мѣсяцевъ	Всѣхъ доставл.	Съ доставкою	Съ перес. иногор.
10 руб. 50 коп.	12 руб. — коп.	12 руб. 50 коп.	
6 „	6 „	7 „	7 „ 50 „
3 „	3 „ 50 „	4 „	4 „ 50 „
1 „	1 „ 20 „	1 „ 40 „	1 „ 60 „

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Главная Контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ г. Харьковскаго университета № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иофанова, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8-ми час. утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти до 4-хъ часовъ дня.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Зинца Гарты, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровскѣ, въ домѣ Соловьевскаго и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковскаго; въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхмана и Френкеля, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ В. И. Вѣлаго и Е. П. Распозова и въ Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родченка. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ у Natus, Lafitte et Co, Place de la Bourse.

Редакция газеты помѣщается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объявленій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть по возможности подписаны и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий, признаются безплатными. Статьи, признаваемыя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Съ 1-го мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе удобнѣе, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

ВЪ ЭТОМЪ № 6 СТРАНИЦЪ

Въ понедѣльникъ, 3-го января, 1883 года, въ залѣ Дворянскаго собранія имѣть бытъ

БОЛЬШОЙ МАСКАРАДЪ

Въ пользу общества безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ.

Въ маскарадѣ будутъ устроены БУФЕТЫ, въ которыхъ участвующіе дамы будутъ въ національныхъ костюмахъ. Продажа будетъ производиться по таксъ. Для маскарада приглашены оркестръ музыкантовъ.

Начало маскарада въ 10 ч. веч., окончаніе въ 4 ч. утра.

Цѣна за входъ: съ мужчинъ 1 р. 50 коп., съ дамъ 1 руб., съ гг. студентовъ 75 коп. Хоры: 1-й рядъ — 3 р. 2-й рядъ 2 р.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

ВО ВТОРНИКЪ, 4 ЯНВАРЯ 1883 Г.

ВЪ РЕПЕТИСЬ

Н. К. КРАСОВСКАГО

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ:

„ГОРЕ ОТЪ УМА“

И

„ЖЕНИХЪ ИЗЪ ДОЛГОВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.“

(№ 6318) 3—1

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2-ГО ЯНВАРЯ 1883 Г.,

ДУХОВНЫЙ

КОНЦЕРТЪ

въ Евангелическо-Лютеранской церкви

съ участіемъ гг. Клепперъ (сопрано) и гг. Матреръ (виолончель), Юриана (органа и ваэль), Грудина (органа).

НАЧАЛО ВЪ 5 ЧАСОВЪ.

Плата за входъ 1 руб. Билеты можно получить въ муз. магазинѣ г. Гергарда и у входа. Подробности въ программахъ.

(№ 6287) 3—3

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 1-го января 1883 года.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Мѣстные хроника.

Телѣграммы: отъ Международнаго и Сѣвернаго телеграфическихъ агентствъ.

Послѣднія вѣсти.

Внутреннія вѣсти: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Новороссіи, Бахчисаря, Нахичевана-на-Дону, ст. Ясиноватой и Бахмута. — Вѣсти другихъ газетъ: изъ Кичинска, Бориславска, Оболви, Казовки, Бояковска, Кіевскаго уѣзда, Прилуки, Асешки, Старопольскъ и Воронеска.

Вѣстия изъ вѣстий.

Судебная хроника.

Сѣнь.

Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.

Наказанія.

Справочная таблица.

для „женскаго образованія“ конечно, кромѣ пакоствъ ничего не вышло, и тѣ, и другіе пакоствы и до сей минуты, но теперь вопросъ, уже, къ счастью, вступилъ въ область спокойнаго обсужденія, для котораго благодаря десятилѣтнему существованію, такъ сказать, „пробныхъ курсовъ“—явился и кое какаго матеріалъ. Этотъ матеріалъ, между прочимъ, собранъ и въ вышеозначенной книжкѣ г. Сущинскаго; кое-чѣмъ отсюда мы и воспользуемся. Между прочимъ, г. Сущинскій приводитъ весьма любопытную статистическую табличку процентнаго отношенія врачей къ числу населенія въ разныхъ странахъ. Какъ явствуетъ изъ этой таблички, во Франціи приходится 1 врачъ на 1,814 жителей и $\frac{1}{2}$ кв. м.; въ Великобританіи—на 1,672 и на 1 кв. м.; въ Бельгіи—на 2,230 и на 1 кв. м.; въ Австріи—на 2,500 и на $\frac{1}{2}$ кв. м.; въ Пруссіи—на 3,000 и на 1 кв. м.; и, наконецъ, въ Россіи на 5,532 и на 27 кв. м. Не столько здѣсь, относительно Россіи, поражаетъ незначительность количества врачей по отношенію къ числу населенія, сколько, такъ сказать, пространственное ихъ распредѣленіе. 27 кв. м.—значитъ 189 нашихъ кв. верстъ. Слѣдовательно, средній районъ разлѣзовъ нашего врача имѣетъ размѣръ въ 360 верстъ въ диаметръ съ площадью въ 724 версты. Во всѣхъ же остальныхъ приведенныхъ въ таблицѣ государствахъ максимумъ пространственнаго распредѣленія врачей 1 $\frac{1}{2}$ кв. м. т. е. 10 съ чѣмъ-то нашихъ кв. верстъ съ диаметромъ въ 20 верстъ и площадью въ 40. А такъ какъ въ дѣлѣ врачебной помощи пространственное распредѣленіе врачей гораздо важнѣе, чѣмъ процентное ихъ отношеніе къ числу населенія, то ясно, какія еще огромныя услуги и затраты потребуются у насъ, хотя бы для того, чтобы въ этомъ дѣлѣ сравняться съ послѣднимъ государствомъ по таблицѣ—Пруссіей. При такихъ условіяхъ, конечно, женщины, посвящающія себя медицинѣ, могутъ принести неограниченную пользу, какъ сами по себѣ, такъ и замѣняя мужчинъ, которыхъ, въ виду безмѣрной скудности у насъ врачебной помощи, пришлось бы для этого дѣла отрывать отъ другихъ профессій, тоже настоятельно требующихъ людей съ высшимъ образованіемъ.

Любопытенъ еще приведенный въ брошюрѣ г. Сущинскаго перечень научныхъ напечатанныхъ работъ, принадлежащихъ женщинамъ-врачамъ. Такихъ работъ оказывается цѣлыхъ 96: процентъ очень значительный, принимая во вниманіе незначительное число у насъ женщинъ-врачей. Очень жаль, что г. Сущинскій не приводитъ оцѣнку этихъ работъ и не приводитъ ихъ, если такъ можно сказать. Въ заключеніе приведемъ цифру, которую служать указывать, что „курсы“ вовсе не отбывающіе у дѣвицъ стремленія выходить замужъ. Изъ 712 дѣвицъ, состоявшихъ на „курсахъ“ съ 72 по 73 годъ, по собраніямъ г. Сущинскаго свѣдѣніямъ, 116 вышли замужъ. „Приведенная цифра вышедшихъ замужъ на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе дѣйствительной, такъ какъ взяты въ разсчетъ лишь браки, совершавшіеся во время прохожденія курса, о числѣ же вышедшихъ замужъ по окончаніи его свѣдѣній не имѣется“, поблочно прибавляетъ г. Сущинскій, отставившійся учащихся барышни преимущественно тяжелой артиллеріей статистическихъ цифръ. Но, хотя и не имѣется, мы все же твердо вѣруемъ и исповѣдуемся, что и учащіяся дѣвицы имѣютъ столь же сильную наклонность къ вступленію въ бракъ, какъ и не учащіяся, такъ что одна изъ „основъ“—„семейный союзъ“ несомнѣнно несколько не пострадаетъ отъ того, что дамы и дѣвицы станутъ пополнять собою кадры врачей, въ которыхъ мы такъ пужаемся...

Политика германскаго канцлера подтвердилась въ послѣднее время сильными порицаніями не только со стороны принципиальныхъ противниковъ, но и болѣе умѣренныхъ и безпристрастныхъ органовъ общественнаго мнѣнія. Мы не будемъ распространяться здѣсь о послѣднихъ дипломатическихъ ходахъ князя Бисмарка и готовы соглашаться, что въ нихъ не трудно усмотрѣть не только непослѣдовательность, но даже и противорѣчіе. Подъѣздъ г. Гирса въ Берлинъ и Фаришъ вызвала, какъ вѣдомо, цѣлый рядъ грозныхъ статей оффиціозныхъ германскихъ органовъ. Всѣ эти статьи направлены были по адресу Россіи, всѣ онѣ заключали въ себѣ указанія на австро-германскій союзъ и исключали даже всякую мысль о возможности вступленія въ этотъ союзъ третьей державы. Враги Россіи, а число ихъ въ Германіи, въ особенности между либералами,—депутаты, ликовали; они цѣли восторженныя гимны австро-германскому согласію, они выставляли его какъ твердыню олицетворяющую противъ напавша русскаго варварства. Прошло однако же нѣсколько дней и тонъ оффиціозной германской печати началъ вдругъ измѣняться. Появились внезапно указанія на срокъ австро-германскаго союза, на возможность его прекращенія. Этого мало. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ вдругъ поставила Австрію и Россію на одну доску и дала понять, что германское правительство придаетъ русской дружбѣ не меньшее значеніе, какъ и австрійской. Не довольствуясь этимъ, органъ князя Бисмарка прочелъ еще строгую нотацию либеральнымъ органамъ, взиравшимъ на нихъ всю отвѣтственность за шумъ, поднятый самой же оффиціозной прессой.

Мы вполнѣ понимаемъ негодованіе либеральной, руссофобской прессы, вызванное внезапнымъ переѣздомъ фронта въ прессы оффиціозной, но мы усматриваемъ во всей этой кутерьмѣ не столько непослѣдовательность и противорѣчія, сколько ловкіе дипломатическіе маневры князя Бисмарка, маневры, самая суть которыхъ покрыта цока для публики непроницаемою завѣсью.

Иное дѣло внутренняя политика германскаго канцлера. Тутъ все для насъ ясно, какъ Божій день, и мы при всемъ нашемъ желаніи не въ состояніи усмотрѣть здѣсь чѣмъ страшныхъ внутреннихъ противорѣчій, на которыя указываетъ такъ упорно либеральная печать. Имперское правительство, говорятъ либералы, торжественно вступило на путь социальныхъ реформъ, оно поставило себѣ высшія, гуманныя задачи, оно намѣрено дать пролетаріямъ возможность человѣческаго существованія,—и въ то же самое время оно наложило руку на свободу индивидуума, возстало противъ свободнаго выраженія мнѣнія личностями. Посланіе отъ 17-го ноября 1881 года обязало императора и династію заботиться объ искорененіи социальныхъ недуговъ, о поднятій цѣлыхъ классовъ общества; королевскій же декретъ 4-го января 1882 года посягнулъ на свободу союбности цѣлаго класса населенія, всего чиновничества. Но въ чемъ же заключается это посягательство? спрашиваемъ мы въ свою очередь. Король просто-на-просто напомнилъ чиновникамъ, что они не должны агитировать противъ правительства и что всякая подобная агитация почитается за собою законную кару. Еслибы въ Пруссіи господствовала строго парламентарная система, то рескриптъ короля могъ бы заслуживать порицанія, но въ Пруссіи корона всегда пользовалась совершенно независимымъ положеніемъ и всегда смотрѣла на чиновниковъ, какъ на подчиненныхъ себѣ, и только ко себѣ, органамъ. Но, помимо этого, возможно ли допустить, чтобы какое бы то ни было правительство терпѣло оппозицію отъ своихъ же собственныхъ слугъ? Французская республика не задалась удалить даже несмѣняемыхъ судей, когда они осмѣлились высказаться анти-республиканскія мысли. Такъ называемая конституціонная система всѣхъ странъ и народовъ никогда не задумывалась оппозировать бюрократическій составъ по своему усмотрѣнію, никогда не терпѣли оппозицію со стороны чиновниковъ. Такъ дѣлалось и дѣлается по сию пору въ Соединенныхъ С.-Американскихъ Штатахъ; господствующая политическая партія не терпѣтъ тамъ въ числѣ чиновниковъ своихъ политическихъ противниковъ.

Спрашивается, послѣ всего этого, гдѣ же кроется противорѣчіе въ образѣ дѣйствія имперскаго правительства? Оно желаетъ провозвести необходимыя социальные реформы и встрѣчаетъ при этомъ сильнѣйшую оппозицію со стороны либераловъ. Либералы и тутъ, какъ вездѣ, являются противниками правительства. Можетъ ли терпѣть правительство, чтобы его собственные чиновники становились въ ряды его политическихъ враговъ, антипартия противъ него на выборахъ. Очевидно, что нѣтъ! Оно напоминаетъ сначала чиновникамъ о ихъ долгахъ, а затѣмъ, въ случаѣ неповиновенія, увольняетъ ихъ. Въ качествѣ простыхъ свободныхъ гражданъ они могутъ высказывать затѣмъ какія имъ угодно мнѣнія? Въ чемъ же заключается тутъ насиліе надъ совѣстью? Чиновникъ, слѣдующій лишь своимъ собственнымъ мнѣніемъ и плущій въ силу этихъ мнѣній въ разрѣзъ всѣмъ стремленіямъ правительства, не можетъ быть терпимъ на въ Пруссіи, нигдѣ на свѣтѣ.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

* Университетскій уставъ 1863 г., magna charta liberatumъ ученыхъ „коллежъ“ и „борпораций“, въ непродолжительное время будетъ значительно исправленъ и дополненъ, несмотря на волю либеральныхъ газетъ, упорно твердившихъ, что всѣ профессора стоятъ на высотѣ своего призванія, что студенты занимаются, какъ нельзя лучше, что пресловутое „самоуправленіе“ никогда не обращается въ самоуправство, что „все обстоитъ благополучно“.

„Новое Время“, дѣлая различіе предположенія объ ожидаемой реформѣ, говоритъ: Связывая съ ней представленіе о лонкѣ университетскаго бѣга, о суровомъ режимѣ и о прочемъ, что любитъ ставить на видъ зрѣе поклонники либерализма, мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія познакомиться. Пока мы не знаемъ, что по мнѣнію цѣлаго ряда постановлено—поднять университетское образованіе на побѣдную ему высоту. И если эта цѣль будетъ достигнута, то новый уставъ несомнѣнно соудитъ добрую службу отечественному просвѣщенію.

Разумѣется, потому что въ настоящее время университеты далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Цѣль научной подготовки къ жизни дѣятельности до такой степени сдѣлалась передъ практическимъ, узко утилитарнымъ домогательствомъ диплома, какъ ключъ къ служебнымъ правамъ и преимуществамъ, что въ массѣ молодежи сложились совсѣмъ иные взгляды на „успѣхъ“ въ прохожденіи университетскаго курса, чѣмъ раньше. Мотивы, которыми руководятся студенты въ научной подготовкѣ, въ образованіи. Мысль о знаніяхъ, о развитіи умственныхъ силъ уступила мѣсто сожалѣнію о требованіяхъ, какія предъявляетъ на экзаменѣ тотъ или другой профессоръ; стремленіе къ научнымъ занятіямъ по дѣльному желанію прииспособилось къ вкусамъ или привычкамъ каждаго даннаго профессора. Отсюда, въ огромной болѣе, чѣмъ раньше, люди довольствуются только нѣрѣдко весьма скромною учебною тратою, какую предлагаетъ имъ въ своихъ лекціяхъ или запискахъ преподаватель. Выучились, въ крайнемъ случаѣ, „вызубрили“, къ экзамену содержимое записокъ и—правъ. Этого за глаза достаточно не только для удовлетворительной оцѣнки, дающей знаніе дѣйствительнаго студента и права на званіе студента, но и для выдѣленія диплома—финала ступени, на которой находится большинство учащихся. Записка дѣло въ такой степени не хитрое и не трудное, что для этого нѣтъ никакой надобности утруждать себя работой въ теченіе цѣлаго года. Всякій, кто проходилъ университетскій курсъ, очень хорошо знаетъ, что въ три мѣсяца „за записки“ можно приготовить къ какому угодно экзамену. Иначе не составляли только тѣ факультеты, гдѣ вѣдомъ теоретическимъ курсомъ является еще и практическая обязательная занятія, которыхъ „за записками“ пройти невозможно. Но и на этихъ послѣднихъ факультетахъ для подготовки къ экзаменамъ нѣтъ никакой надобности заниматься книжною мудростью въ теченіе цѣлаго года: оспѣи и знаю достаточно по нѣсколькимъ часамъ въ день посвящать работамъ въ кабинетѣхъ и лабораторіяхъ, а остальное время посвящать собой въ полное удовольствіе дурной, политическѣй—что правится. Что же касается другихъ факультетовъ, особенно такихъ, какъ юридическій или камеральный, такъ уже безграничная свобода отъ всякаго обязательнаго научнаго труда.

Все это факты неопровержимыя,—факты, съ которыми нельзя не считаться... Государство въ правѣ требовать, чтобы разсидѣнный высшаго об-

разованію давали странъ полезныхъ общественнымъ дѣятелямъ, а не дилетантовъ, схватившихъ на скоро верхушки кое какихъ знаній.

Въ чемъ состоятъ задуманныя министерствомъ преобразованія, еще неизвѣстно и потому, сказать о нихъ что нибудь опредѣленное, невозможно. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы они, не увлекались никакими „взмами“, преслѣдовали только интересы науки и преподаванія.

* „Петербургскія Вѣдомости“ разбираютъ 1039 статью уложенія о наказаніяхъ, каряющую за диффамцію,—т. е. за оглашеніе въ печати неблагоприятныхъ дѣйствій того или другаго лица,—и ограничивающую права послудимаго доказывать, что все написанное имъ совершенно вѣрно: когда обвиненнымъ является частный человѣкъ, тогда оправданія вовсе не допускаются, когда же обвиненнымъ является чиновникъ или служащій по общественнымъ выборамъ, тогда привлеченный къ суду можетъ подтверждать справедливость своихъ словъ только письменными доказательствами. При такихъ условіяхъ всякій журналистъ, очевидно, ежеминутно подвергается опасности попасть въ тюрьму, хотя правда была всецѣло на его сторонѣ, хотя бы перомъ его руководили самыя чистыя намеренія.

До 1865 года наше законодательство не знало диффамціи. Оно преслѣдовало клевету, клевету, брань и оскорбленіе, но оглашеніе истинныхъ фактовъ, хотя бы и позорящихъ честь, оно не считало преступнымъ. Законъ о диффамціи, замѣстоуказанный у насъ, введенъ въ уложеніе о наказаніяхъ, изд. 1866 года. Въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ у насъ этотъ законъ, онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ остаться, такъ какъ въ одной и той же статьѣ совмѣщено несовѣстное. Постараемся доказать это.

Впрочемъ, въ ней является оглашеніе позорящаго обстоятельства, касающагося частнаго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ не можетъ допустить вымѣстности печати въ частную жизнь гражданъ; обществу нѣтъ дѣла до того, измѣняетъ ли такая то сирому мужу или проигрываетъ ли онъ прикладное. Въ подобныхъ случаяхъ законъ обязанъ выстѣпаетъ съ своимъ цѣлемъ, въ интересахъ оправданія семейнаго очага гражданъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходитъ за предѣлы домашней, семейной сферы; разъ она касается другихъ лицъ или дѣлается преступною, печать должна получить право оглашенія неблагоприятныхъ фактовъ. Наказаніе, какъ бы велико оно ни было, тутъ никогда не вызоветъ въ обществѣ смѣхотворнаго нарушенія закона. Но и по отношенію къ частнымъ лицамъ, законъ долженъ не допускать вымѣстности печати въ ихъ жизнь лишь до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выходит

Правда, съ неба сѣстьишя, ушла въ болото и правду. Избѣгла—искусная, замаранная—пачканная, изорванная—искомканная—мѣста звываго на ней нѣтъ; лежить, плачетъ—стоишь—идеши тутъ мучить по дорожѣ, увидѣлъ ее, пошлешь. „Кто ты такая сестъ?“—спрашиваешь. Правда: „я, говорю, Правда; Кравада меня съ неба въ болото сюда спихнула, помоги мужичекъ, поручи въ бѣдѣ, я тебѣ отсудю“. Разсердился тебѣ мучникъ на такіа Правдыи слова,—расплакался, тѣнулъ съ сложившемъ раза два. „Ахъ ты, говорю, такая-сикая! Наша матушка-Правда словою солнышко на небѣ сикетъ, а ты вѣрно такая гуляшя, съ пняну сюда забрѣла, съ пняну мѣшешь. Поговорю мѣшъ еще, я тебѣ! Ишь—Правда выискалась!“ Не стала Правда спорить, Правдыи ужъ очень, только говорить: „ради онста, помогаѣ! А мучникъ тѣмъ временемъ къ ней пресмотрѣлся; хотъ избѣгана—искусная, изорванная—затѣпанная, а видѣтъ—дѣвка кравада, здороваа. Сестъ-ка, думаеши, не ради онста—давно-то Христа въ Кравадино царство забавляли—а кто и такъ возмужу я ее. Небось, по зайисту пригодится; дѣвка, вѣрно, смирная, зогвѣтѣна“. Взять онъ тутъ Правду, ввазвалъ на зъ, побѣжалъ своей дорожѣ. Прѣйхалъ домой и говоритъ жентѣ: „глянь-ка, я тебѣ рабобилъ прыжъ!“ Все тутъ какъ было и рассказыва. Спрашиваютъ тутъ онъ Правду: „что ты дѣлалъ вѣшь?“ А Правда говоритъ: „все“. „Ладно, говоритъ мучникъ,—погизилъ. А пошто у тебѣ рука являна, какъ тебѣ работѣ буеши, рука являна? Правда ему: „де мого развезаа, развѣ у меня

почитать брать книги из публичной библиотеки за плату. Число их оказывается слишком мало и чувствуется необходимость устранить это неудобство; а устранить его не так трудно, как кажется с первого раза: число книг можно увеличить, прибавив в ученическую библиотеку несколько десятков томов из тех "заповедных" отделений, которые составляют особую библиотеку и из которых имеют право брать книги только педагоги. У нас практикуется также довольно оригинальное дисциплинарное (?) наказание—наставник лишает ученика права читать. Как ни странно такое наказание, однако, оно в новочеркасской гимназии практикуется. В заключение скажем, что в нынешнем году в новочеркасской гимназии открыт восьмой параллельный класс. Воспитанников в обоих восьмых классах—66; из них в основном—34, а в параллельном—32 человека. В персонале преподавателей особым переимением. Между прочим, прибавился новый учитель латинского языка г. Манштейн.

Из Бахмача, станции либаво-роменской ж. д., нам пишут: наша станция—одна из главных пунктов на линии,—в этом пункте скрещиваются курско-киевская и либаво-роменская железные дороги. Станция последней находится в 3 верстах от ст. Бахмача, курско-киевской ж. д. На этом 3 верстном расстоянии устроена так называемая "ветка", по которой перевозятся как пассажиры, так и товары, следующие с одной дороги на другую. Пассажиры, не имеющие билетов прямого сообщения, терпят большие неудобства: начать с того, что на 3 верстах нужно садиться и пересаживаться вместе с своими вещами; вещи, спящие в багаже на курско-киевской ж. д., должны быть приняты на ст. Бахмача, взять их собою и в вагон при переезде на либаво-роменскую линию или же поручить артельщику. Если пересадка происходит ночью, публика, в особенности женщины, страшно боится и волнуется. Кто виноват в таких неудобствах, мы не знаем. Можем только порекомендовать либаво-роменской ж. д.—устроить один общий вокзал с курско-киевской: тогда пассажиры будут такого же свойства, как и вездь, а не беззастенчиво и неудобно обставленные, как теперь.

Из Нахичевана-на-Дону нам пишут: в свое время было сообщено в "Южном Крае" о том, что наши выхаживающие приказания подавали прошение об освобождении как во воскресных днях, так и в будни. Так как эти прошения не нашла поддержки со стороны наших душев, то она осталась "без последствий". Но приказания продолжают настаивать на своем и вот, кажется, 17-го декабря рассматривались их вторичное прошение о том же самом. В виду того, что большинство наших гласных составляет купечество—люди, руководящиеся лишь собственными эгоистическими побуждениями, не находя прошение в достаточной силе уважительным, а наоборот, считая решение этого вопроса в благопримечательности для приказаний смысл безразличным и даже вредным (!), почти единогласно решила оставить и это вторичное прошение без последствий.

Недавно было зафиксировано ужасное убийство и самоубийство. Один сапожник, возмущаясь своей женой домох, зарезал ее сапожником ножом, и покончив с своей жертвой, лишил себя жизни посредством того же ножа. Говорят, что причиной этому была ревность.

Со ст. Ясиноватой, константиновск. ж. д., нам пишут: Наконец и до нас добралась зима; морозы доходят до 25°; так как холодов давно уже у нас не было. Надвигая у нас была такая сильная метель при сильном восточном ветре, что нашу станцию буквально замело сибирью, а почтовый поезд, шедший из константиновки в Юзово, застрял в степи между нашей станцией и Скотоватой и неизвестно, когда он оттуда будет освобожден, так как по случаю правящих рабочих рук достать невозможно, а тут еще присоединяется недостаток денежных средств, что влечет за собой отъезд от станции крестьян, потому они и не хотят идти работать—расчищать путь. Поэтому движение по Константиновской ж. д. сбилось крайне затруднительным.

Из Бахмута нам пишут: В ночь под Рождество один судебный следователь, возвращаясь из уезда, был застигнут в пути метелью, и, не добывая до города версты за пять, сбился с дороги и верхом добился до какой-то деревушки, откуда и возвратился в город на другой день. Вечером того же дня писемводитель следователя и десятидесяти базили разыскивать ямщика и остальных лошадей, но возвратился без успеха и только 26-го числа ямщик был найден и доставлен в город замерзшим.

Кишинев.—Местный губернатор Кониарь обратился к местным членам общества "Красного Креста" с приглашением внести членские взносы за 1882 год; сс оканчиваям иносч взносы поступали в кассу общества более чем не акуртно.

Борисоглбов.—Плохой урожай нынешнего года тяжело отразился на крестьянах; некоторые из них еще с осени покупали хлеба, а теперь у большинства ржи совсем нет. Единственно родились хорошо овес и просо, но они стоят в очень низкой цене. В настоящее время в торговле полный застой.

Обьяня.—Ростовский купец Асмолов прислал по зароку связанный. Опять тут мужик расплакался; раз и два в щеку Правду ударил: "разважился"—кричит—"а то еще не так по-важн тебе, каков есть твой зарок!" "Не могу", говорит Правда. Схватил тут мужик Правду, швырнул о землю, дернул с рук повязку,—раз дернул, два дернул—не сдвинулся; потому повязку ту только сама Правда слернула с себя могла. Посмотрел мужик, посмотрел—"спускается. Думает: "может, колдовство какое, с нами крестная сила". Хотел уже Правду за порог в толчки выгнать, да покоросовался. "Два, думает, здоровая, смывная—безотвратная, хоть и с связанными руками, все куда-нибудь припродает". Оставил он у себя Правду, привалил ее к стене, да начал сморить. И полюбил Правда то дитя, как свое родное. Все на поле уйдут, а она сидит, в локоть ребеночка качает, сама плачет—заплачет—"о, дитятко ты мое милое, дитятко мое родное! Горько мне—тяжело! Несчастна ты зародилась, на горе тебе воять—вскормить! Не видать тебе Правды все своей вьбе! Наказываю на меня Бог в гниль своим зарок вбывай, руки-то у меня связаны, Крылья с неба спихнуть не могу, здысь с людьми сижу—не узнают меня люди! Плачет это плачет Правда, толчок и отойдет у нея сердце немного, как котенок займется. Тут же, в збб, котенок жил—все по полу бьется—прыгает, с хвостом играется. Маленький такой, сбежкий, то уши пасторожить, то присидеть, то лапкой ухватится... Создана Божие! Умалитя его Правда,

городу 10,000 рублей, пожертвованных умершим братом его, на открытие в Обояни общественного баня. В настоящее время дума вопля уже презид. губернатора с ходатайством о разрешении открытия банка.

Нахичеван.—16-го декабря ночью отравились в обход проживающий здесь жандарм с одним из местных кузнецов; во время пути они зашли в кабаки и там напились; потом, захватив с собою водку, зашли в дом одного из свободных крестьян, у которого была хорошая жена. Здысь потребовал он ужинать. На отъезд, что вить ничего, получили приказание поехать козлаб, который готовится к праздникам, что и было исполнено. Здысь, требовательность блюстителя растеря и он требует, чтобы муж, как личный свидетель, уладился. Конечно, послышался отказ. Во время ссоры жандарм выхватил револьвер и убил мужа наповал. ("Голос").

Богоявленск.—Той же газетой пишут: в качестве "лжарка", у нас практикуется жена местного священника, мало чем отличающаяся от обыкновенных знахарок, и деревенских повитух. Недавно матушка-доктор дала одной крестьянке из села Константиновки дожку какого-то, должно быть, весьма необыкновенного, лжарства, необыкновенного, воперных, потому, что крестьянка едва-едва, Богу душу не отдала, а вторых, за одну дожку своего лжарства матушка потребовала 15 руб., получив 12 руб., сейчас же, а три согласившиеся обожать. Крестьянка теперь очень страдает и от голода (матушка забрала последние деньги), и от лжарства. Не мило бы батюшке, человеку весьма почтенному и пользующемуся общим уважением, посоветовать матушке бросить медицину, а то долго ли до бля.

Киевский уезд.—По вестиям "Заря", в с. Литвиновск, киевского уезда, появилась повальная болзнь рогатого скота: заболело 25 штук, из которых нисколько пало.

Прилуки.—В "Петербургских газетах" телеграфируют, что местная дума постановила выслать обривать городскую баню, для которого находится не в блестящем положении. Рожь в здысь поспевает и находится теперь в предложении по 45 копеек за пуд без покупателя.

Алешки.—По словам "О. В.", в 10 верстах от города проживает на собственном хуторе крестьянин Литвиненко. Недавно он написал из Китая смена чая и послал их в своем салу. Теперь из этих смен выросли чайные кусты, с которых Литвиненко собрал 5 фунтов чая. По запаху и вкусу чай этот значительно разнится от китайских чаев, что влечет за собой от немнбня собирать и сущить его.

Ставрополь.—Отсюда "Р. В." пишут, что миссия двя, три назды в 14-ти верстах от села Султановского, на хуторе нахичеванского купца начали более десяти вооруженных ружьями злоумышленники. Убив проживавшую на хуторе солдатку, они ограбили разного имущества почти на 1,000 р. и скрылись. В настоящее время преступники обнаружены. Оказалось, что главными виновниками грабежа и убийства были некоторые из жителей Бабуковского аула, Терской области.

Воронеж.—Губернский предводитель дворянства, Павликов, заявил земству о своем желании устроить на собственны средства два ремесленные училища в Воронеж и народное училище в сел. Телешов, Задонского уезда.

ВНЕШНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Австро-Венгрия. В Галиции, в город Станиславов, появилось новое двухнедельное периодическое издание, под названием "Еско з Рокиса", под редакцией Феликса Левинского. Это будет журнал литературы, общественной и политической жизни.

Германия. Из Берлина телеграфируют от 9-го января (н. с.): в рейхстаге Прусские собрались собранию, что император приказал отчислить из диспозиционного фонда при имперском казначействе 600,000 марок на помощь пострадавшим от наводнения, и поручил имперскому канцлеру распорядиться о возможно скорейшем распределении пособий. В влах успешнейшего исполнения этой задачи, имперский канцлер желал выступить в личны объяснения с депутатами потерпевших округов; так как в числ депутатов, вызвавшихся о помощи, не оказалось представителей Эльзаса, также пострадавшего от наводнения, то он желал бы, чтобы и эти депутаты откликнулись на призыв. Здысь, Бисмарк, пригласил депутатов Баварии, Ватена, Виртемберга, Гессена и Пруссии собраться у него в дом в 9 час. веч. для конфиденциального обсуждения с ним способа распределения означенной суммы. На этот раз заседание было постановлено немедленно распределить разгрещенный императором 600,000 марок: по 100,000—Гессену, Пфальцу и Пруссии; по 40,000—Эльзасу, Вадену и Баварии; 20,000—Виртембергу. Остаток останется в вдах зааса. Означенная сумма будет роздана через недлю. Совещание длилось до полуночи.

Франция. Отец Гамбетты прислал телеграммы к Гриви и министру внутренних здысь, формально требуя отправления здысь своего сына в Ниццу. Нисотория друзья Гамбетты уехали в Ниццу, чтобы сдлать послыдную попытку убить отца, отказавшись от своего требования. Какое бы ни было решение относительно похорон, но немедленно будет открыта национальная подписка для сооружения в Париж памятника Гамбетте. Групп республиканского союза, собравшись в па-

на него гляючи, позывает его, прикасается;—лается около нея котенок, здысь дождичный; улабается Правда сказав слезы. Вот котенок с котенком в нея спрыгнул, опять по збб шугать начал. Пригаль, прыгаль, да невзначай и вырину в ушат с помои—назды то и не вырынуешь. Подпрыгнет, подпрыгнет, да опять шлепнется; подпрыгнет, подпрыгнет, да опять шлепнется. Тонет совзды, захлебывается, жалостно так пищит, здысь измороса, голосу вить, задыхается... Подступило тут у Правды к сердцу, брызнула слезы горючий из глаз.... "Господи, говорит, буди вся твоа воля,—как захочешь, так и казнишь—встрадался я вся, змучился, больше стерпеть не могу!" Нарушила тут Правда зарок свой великий, сорвала повязку с рук, вытащила котенка, к груди своей бдой прижимает, цдылет, млдет, обшухива, обгрыла, оправала, а у самой слезы из глаз так и каплют.... Пошел котенок опять по хат прыгать—прыгать, а Правда все сидит, глядит, слезы унять не хочет.... Вот выпалаклась она тут, встрадалась, ушмхнулась свету так да радостно, пошла к тому мсту, где небы с землей сходится, вышла на небо, одним махом Правду с неба синула.... Завыл Правда, побижала по земл, кричит—плачет: "Ох, поможте! Меня, Правду вашу, Крыда с неба спихнули!" А Правда стала на пб, валь земей зашла, все ее увидели: вот она настоящая Правда! Нието крику—плачу Крыдиному не зреть, в толки ее топать....

И говорит тут Бог Правд: "Правда, Прав-

да, единогласно ршила принять инициативу союжения памятника Гамбетте."

По свдвдниям из Ниццы, похороны Гамбетты будут там совершены на городской счет, и бульвар св. Филиппа будет переименован в бульвар Гамбетты.

Из разных департаментов сообщают известия об ужасных наводнениях, которые грозят оставить без хлеба население мвстоностей, по которым протекают выступившие из берегов Рона и Соны. "Journal de Genève" сообщает подробности очень рдкого явления: близ тоннеля железной дороги из Женевы в Лион, на французской территории, произошел обвал одного из берегов Роны. Масса земли, приравительно в 1 миллион кубических метров, обвалилась в рку, на время остановив ея течение. Вследствие этой остановки, Рона поднялась на 15 метров выше нормального уровня, затопив окрестности. На следующий день рка промыва преграду, но не вопли, и наводнение еще продолжается.

Сена в Париж снова поднялась и стоит на высоте 1876 года, угрожал наводнением вымывшим частям города.

Турция. Сутанский прад предписывается улаять все сумм, причитающихся русским поданным в силу конвенции о вознаграждении.

Черногория. Австрийские газеты говорят о тревожном положении на черногорской и албанской границах, где снова сформировались многи инсургентские шайки, готовые проникнуть в Боснию и Герцеговину. Министры переим, проследившие недавно в Цетинье, повиному, не чужды этим событиям, так как бывший министр Врбана был приверженцем Австро-Венгрии, между здысь как его преемник, Вожд Петрович, считается ея врагом.

Св.-Америк. Соедин. Штаты. В сенат приняты бля о замещении должности президента или вице-президента, в случае смерти, выхода из отставки или неспособности. Виль установляет, что в подобных случаях должность замещается членом министерства, в порядке старшинства, причем первым кандидатом является статус-секретарь по иностранным дьям. Если конгресс не собирается для не может собраться в течение 30-ти дней, новый президент, по истечении этого срока, обязан созвать конгресс в течение 20-ти дней.

ПРИВИДЕНИЕ.

(Сатирический рассказ).

с англйского *).

ГЛАВА I.

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ДОМА.

Много лтъ тому назды, на углу одной из отдаленных улиц Лондона стоял мрачный и пустынный, наводивший суевеи страх на окрестных жителей, большой кирпичный дом. Напрасно прохаживавшие мимо старались уловить хотя бы малейший признак жизни за его стьями. Семь лтъ прошло с тех пор, как послыный владылец его, занемогший тяжким недугом, был свезен в ближайшую больницу для умалишенных, где он умер посл долгих страданий. И воплощение этих семь лтъ ни одна человеческая душа не рфмалась поселяться в его опустынившем доме. По смерти больного, дом перешел по наследству какому-то отсутствующему родственнику. И вот, в глубокой осени, в один из самых несчастных, дождливых дней, когда это негостеприимное жилище выглядело еще более мрачным и неприятным, с вечерним похолом железной дороги возвратился на родную новый обладатель этого заколдованного дома.

На вокзал его встретил один из клерков конторы Тимсона, завладевшего здысь домом, с письмом от своего патрона. Призвкий пробыжал письмо, взглянул вполностью на клерка, еще раз прочел и, наконец, произнес: "во всяком случае и съезду на него взглянуть. Вы не знаете, далеко отсюда?"

— Нтъ, сударь, не очень далеко.

— Так пойте же выехать, если вы свободны в настоящее минуту.

— Ну что-же, и зайдем. Я, признаюсь, не очень-то люблю гостеприимство,—здысь призвкий в настоящее время.

— В самом дьл, сударь?

— Я не привык к ним. Там, на золотых приисках, мы обходимся без этих утонченностей цивилизованного мира. К тому же я был болен и не могу выносить шума и тама в безпрерывного тонаного тоге. Все это достаточно надло ми на проеход. Бывало, я лежу по ночам в своей койке, тшето стараюсь заснуть, и думаю, как должно быть приятно жить в своем собственном доме, в котором можешь распоряжаться, как хочешь.

— Да, конечно, сударь,—согласился клерк.

— Я привык жить просто и могу обойтись одею поч без прислуги.

— Разумеется, сударь.

— Скажите пожалуйста, что в дом больше бедняков; его недавно поправали, может быть он завален мусором?

— Не знаю, сударь.

— Во всяком случае, если только найдется сухой уголь, где бы я мог разложить ковер, мне больше ничего и не нужно.

Клерк захватился, посмотрел в окно, а здысь взглянул украдкой на своего собеседника.

* The Illustrated London News. "Walnut-tree house".

By Mrs. R. R. R.

да! А где зарок твой ненарушимый? Нарушила ты, обманула, какая же ты Правда!"

"Господи,—отвечает Правда—вся твоа воля, как захочешь, так и казнишь,—встрадался я вся, змучился, стерпеть больше не могу!"

И сказал тут Господь: "По любви твоей и страданью твоему великому прощаю тебя, только не видать тебе больше земли, останешься ты на неб вкн вкны, и земля тебя больше не увидит!"

И по слову Божию затмилась Правда от земли.

И заплакала тут Правда и змолчала: "Господи, за что карешь неспасно! Сказал—смиловаться, пропалет земля без меня, а вся ви на ми будет, за мое ослушание землю карашь!"

И смиловался тут Бог над Правдой и сказал: "Будет, Правда, по молитве твоей! Не вое тебе зарок и от земли. И который человек на земл встрадался по тебе до конца—граю, и исполнится над ним мбра страдания его, и покорится он страданью тому—тот человек и увидит тебя!"

И сбылось все по слову Божию. Как только затмилась Правда от земли, большое сматение в людях стало. И одни говорили, что вот она, Правда, по земл ходит и на Крыду показывается, а что в неб вить Правды и не было, а был один вид обманливый. И таких было больше всех, и заявила Крыда опять на всей своей воле, во дворцах—из палатых.... А другие—в Крыду не поврива, а говорили, что была Правда в неб, да куда то дьбась.... И пе-

— Ми кажется,—начал он, заминаясь.

— Что вам кажется?

— Извините меня, сударь, ми кажется... Прав, ми кажется, что если бы я был на вашем мсте, я ни за что не остался бы почевать в этом дом.

— Почему так?

— Видите ли, сударь, он уже семь лтъ стоит пустым, там должно быть очень сыро и если, как вы говорите, вы еще недавно были больны, то там тьм боле не слдует рисковать здоровьем, да и крох того....

— Что такое крох того? Говорите скорей, я уверю, что вся суть в этом "крох того".

— Как бы вам сказать, сударь.... впрочем с какой стати и буду скрывать от вас.... никто не хочет жить в этом дом, потому что он пользуется дурной репутацией.

— В каком отношении? Разв он расположен в нездоровой мственности?

— Нтъ, сударь!

— Что же такое? Уже не замбашо ли тут привидение?

— Вы угадали сударь.

— И из за этого никто не хотль там жить?

— Из за этого, не смотря на все наши усилия, мы не в состоянии бля отды его в насм.

— В таком случае, здысь скорей мы выведем отуда привидение, тьм лучше. И непременно останус там почевать. А вы? вы, конечно, не согласитесь провести ночь вмст со мной?

Молодой человек в ужасе откинулся назад.

Он просто не знал, что дьлать с этим неподатливым клиентом Тимсона.

— Такой грубый, нервный человек,—говорил он потом на сторон, описывая нового владыку дома.—Настоящий мучик; видно, что никогда не был в порядочном обществе.

Призвкий господин видимо сблял его с толку своим оригинальностью. Богач обращается с ним, как с равным, не любит гостиниц и предпочитает остановиться в таком дом, в котором ни одна пыльная пощеница не согласилась бы переночевать, и в довершение всего, приглашает его, совершенно незнакомаго ему человека,—клерка из почтенной конторы Тимсона, всегда охотого с нголоч и по последней мох,—провести выст с ним ночь в этом прозяком дом, где еще, чего доброго, он вздумает его заставить топить печь.

Тьм не менее он боялся обидеть нового домовладельца, в котором контора Тимсона предполагала выгодного клиента, а ему хорошо было известно, что эта безорыстная фирма одинаково охотно принимала деньги как от титулованных особ, так и от "мужиков". Поэтому он пробормотал, что не отказался бы от такой чести, если бы не дал заране слова на этот вечер.

М-р Стэнтон расхохотался.

— Я вижу, что вы такой же охотник до приключений, как и до привидений. Ну, по крайней мб, расскажите, что вы знаете об этом домысле? Кто это—старик, что ли, гуляет в дом?

— Никогда не слыхал, чтобы это было он.

— Уж не тот ли негодий, который все забрал в свои руки?

— Я не думаю, чтобы это был покойник м-р Стэнтон,—возразил клерк таким тоном, который ясно намекал на несправдливую выходку призаго господина, державшаго назды клиента конторы Тимсона "негодяем".

— Да кто-же это, наконец? Наставлял м-р Стэнтон.

— Так как вы уж непременно хотите знать, сударь, так я вам скажу, что это ребенок выгнал всех из дома.

М-р Стэнтон разразился веселым смехом и тьм крайне оскорбил цеголвного клерка.

— Это ми очень нравится,—продолжал он, смаясь.—Я в жизнь свою ничего подобного не слышал.

— Правится или вить, только это факт,—возразил обиженный молодой человек.—Посл всего, что я слышал о вашем дом, я не согласился бы провести в нем ни одной ночи, если бы даже ми предлагали 50 фунтов стерлингов.

— Успокойтесь, мой друг, я и не прошу вас остаться со мной, я уверю, что мы с ребенком отлично уживаемся и вдвоем.

ГЛАВА II.

РЕВЕНОК.

В тот же самый вечер, спустя час посл того, как м-р Стэнтон вошел во владычные свои дом, он стоял на парадном крыльце, ожидая купленных в соседней лавочке угля и дрова. Теперь, при слабом и мерцающем свтл уличных фонарей, дом казался еще более мрачным и унылым, здысь в сумерки.

"Да, действительно, не очень-то приваливо он выглядывает",—подумал м-р Стэнтон.—

"Он и уверю, что стоит только развести огонь и он примет совсем иной вид".

— Я бы желал знать, отчего он так долго не несует угля?—здысь он вслух.

Взглянув еще раз на дорогу, м-р Стэнтон, наконец, увидев приближавшуюся тьбжизну, с улем в дровами.

Ее вез работник Балл, вес забрызганный грязью, с помощью маленького мальчика, который подталкивал тяжелую сажу.

— Ну, слава Богу, наконец-то вы явились.—весело обратился к ним хозяин дома.—Лучше поздно, здысь никогда. Спешите-ка вот эту вязану дров сюда в хуию.

— Ну уж, звините, сударь, этому не бы-

жеть там, чтобы людей не видеть,—авось либо там взбоду муку свою.

Так и сдлал. И тут то исполнился мбра страдания его, и упал ненавист из сердца его, потому что встрадался он до конца—краю, и покорился страданью тому....

И заплакал здысь горькими слезами, и долго плакал, и когда выплакал все слезы свои—взглянул вверх, на небо....

И вилит, небо разрезалось, и стоял в неб Правда, и сине кругом неа, и смотреть на него таково жалостливо....

И в ту же минуту вся жизнь его будто освтлялась перед ним—и увидел тут он, что вся жизнь кругом дороги по окольным тропинкам пугалась, а на дорогу выйти не мог....

И стояла перед ним Правда, и сдла на всей красот своей, да уж не нужна была та Правда ему....

И ударился он об мат сру землю, и вгворил к ней: "встрадался я, змучился—вбту уж мста живого во ми! Вперед идти—не могу, а назад—нельзя! Прими хот ты меня, мат сыра-земля!"

И сжалась мать сыра-земля, расступилась, приняла его, потому что встрадался он до конца—краю, и исполнился мбра страдания его....

И вилда Правда с неба тот конец любямо, полнота слезами дитати своего—и горько плакала....

Так наказал Бог Правду и за малое осужданию воли Его....

И подумал он: "уйду лучше в пустынь, буду

жизнь там, чтобы людей не видеть,—авось либо там взбоду муку свою."

Так и сдлал. И тут то исполнился мбра страдания его, и упал ненавист из сердца его, потому что встрадался он до конца—краю, и покорился страданью тому....

И заплакал здысь горькими слезами, и долго плакал, и когда выплакал все слезы свои—взглянул вверх, на небо....

И вилит, небо разрезалось, и стоял в неб Правда, и сине кругом неа, и смотреть на него таково жалостливо....

И в ту же минуту вся жизнь его будто освтлялась перед ним—и увидел тут он, что вся жизнь кругом дороги по окольным тропинкам пугалась, а на дорогу выйти не мог....

И стояла перед ним Правда, и сдла на всей красот своей, да уж не нужна была та Правда ему....

И ударился он об мат сру землю, и вгворил к ней: "встрадался я, змучился—вбту уж мста живого во ми! Вперед идти—не могу, а назад—нельзя! Прими хот ты меня, мат сыра-земля!"

И сжалась мать сыра-земля, расступилась, приняла его, потому что встрадался он до конца—краю, и исполнился мбра страдания его....

И вилда Правда с неба тот конец любямо, полнота слезами дитати своего—и горько плакала....

Так наказал Бог Правду и за малое осужданию воли Его....

И подумал он: "уйду лучше в пустынь, буду

жизнь там, чтобы людей не видеть,—авось либо там взбоду муку свою."

Так и сдлал. И тут то исполнился мбра страдания его, и упал ненавист из сердца его, потому что встрадался он до конца—краю, и покорился страданью тому....

И заплакал здысь горькими слезами, и долго плакал, и когда выплакал все слезы свои—взглянул вверх, на небо....

сюда, ты должен мне сказать, как ты попал в этот дом и что ты здесь выискивал.

Он уже был у двери и стоял так близко к мальчику, что мог разглядеть во всех подробностях его жалкий костюм: платице на нем было старое, и одним местом обшарпанное, а в руках он держал какой-то кусочек фланели, такой же поношенный, как и верхнее платье; грязный измятый фартушек был завязан сади камином-то обрывками, а по-топанные башмачки чуть не падали с ног.

Видя, как подался мальчик Стэнтона, ему навстречу хотелось броситься. Ты голодный, дружок, — обратился он к ребенку. Мальчик обернулся, посмотрел на него своими серьезными глазами, но ничего не сказал.

— Уж не вбей-ли он, — подумал м-р Стэнтон и протянул руку, чтобы удержать мальчика, замечая, что он собирается уйти. Но тот ускользнул от него, быстро перебежал сзади, едва касаясь пола своими маленькими ножками и стал подниматься вверх по лестнице. М-р Стэнтон схватил сивку и бросился за ним, но никак не мог догнать. Он видел, как мальчик, добравшись до верхнего этажа, повернул в узкий коридор, как он был кончик коридора пошел в какую-то развороченную дверь, и сам пошел за ним туда-же, в полной уверенности, что уж теперь-то мальчик не уйдет от него. Но как-то было его удивление, когда комната оказалась совершенно пустой.

— Господи, да куда же он думает, — воскликнул м-р Стэнтон, оглядываясь кругом и к изумлению своему замечая, что он очутился на чердаке. Крошечная дверь, в которую он вошел и запер за собой, и служившая наглухо заколоченного окна, другого выхода не было из этой комнаты, точно так-же, как не было там ни шкафа, ни даже ящика, где он мог бы спрятаться: вся мебель состояла из дитяской кроватки, соломенного стула и пологой ухаживалки.

Странно, — пробормотал м-р Стэнтон, выходя оттуда в смущении.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

ГЛАВА III.

Тайна мало по малу раскрывается.

Да, было нелегко придумать хоть кому. Мысль о таинственном мальчике, заведывавшем домом, откуда он выгонял всех жильцов, стала с каждым днем все неотвязнее преследовать м-ра Стэнтона. Вначале он сбился над рассказом клерка, а на свои приключения в день приезда смотрел, как на простую игру воображения или как на галлюцинацию; но после того, как ему не раз среди белого дня приходилось видеть, как ребенок спускался с лестницы и бродил по комнатам, отсыпавая то, чего он повидому никак не мог найти, м-р Стэнтон должен был наконец прийти к заключению, что тут скрывалась какая-то тайна и встревожился не на шутку.

Чтобы он ни делал, лежал-ли в постели, обдавал ли завтраком, в какой-бы комнате ни находился, никогда он не был застрахован от посещения ребенка, который все с той-же энергией, как и в первый вечер, искал что-то по всему дому — начиная от чердака и оканчивая подвалом, и с тем-же разочарованием в безплодности своих поисков куда-то исчезал.

Кто-же как не потаюсь, заведывавший дьявольским домом, мог бы ему понадобиться разяснение по этому предмету, подумал м-р Стэнтон и прямо отправился в контору Тимпсона.

— Скажите пожалуйста, кто этот ребенок, — спросил он м-ра Тимпсона, несколько не скрывая, что он его видел.

На этот вопрос не так-то легко ответить, как вы думаете, — сказал м-р Тимпсон. — Но ведь в этом доме был же когда-то настоящий, живой ребенок.

М-р Тимпсон спал очки и тщательно протер их.

— Конечно был. При жизни Феликса Стэнтона там их было даже двое, мальчик и девочка.

— В этом доме? — В этом самом доме. Они пережили старика.

— А что стало с ними после его смерти? — Девочку взяли на воспитание кака-то родственница его отца, а мальчик умер.

— Умер, в самом деле? А не знаете ли вы, от чего он умер? — Право не знаю от чего. Одно могу вам сказать, что он умер естественной смертью.

М-р Стэнтон несколько призадумался и затряс снова обратился к м-ру Тимпсону.

— Мастер Тимпсон, я никак не могу отвлечься от мысли, что так-ли иначе, а с этими дитяти поступили нехорошо. Чья это были дитяти?

— Это были внуки Феликса Стэнтона. Дочь его вышла замуж против его желания и тем-же навлекла на себя гибель отца, который от нее отказался. После смерти матери, дитяти перешли в дом вдовы, там их кормили и одевали, но, кажется, тем-же ограничивались заботы о них. В этом же доме они оставались и после смерти старика с согласия нового владельца.

— Вы говорите об Альфреде Стэнтоне? — Да, о нем. Несчастный человек вскор же сошел с ума. Дядя его умер, не оставив завещания и потому все его состояние перешло к племяннику.

— Вы говорите, что не было ни малейшего основания подозревать Альфреда Стэнтона в том, что он обобрал дитяти? — Поищите, что вы говорите, никому и в голову не приходило ничего подобного.

— Так что вы не можете помочь мне разгадать эту тайну? — При всем моем желании я действительно не могу, потому что я сам ничего не знаю.

— Тут что то неладно, — подумал м-р Стэнтон, выходя из конторы. Несмотря на все уверения Тимпсона, Стэнтон был убежден, что тот знал, конечно, об этом деле, но притворялся, что ничего не знает.

Мне надо будет во что бы то ни стало разузнать о дальнейшей судьбе этих детей. Может, кто нибудь из местных торговцев помнит их.

Но из соседних торговцев один, как оказалось, недавно поселился в этой местности, другие же никогда ничего не поставили в этот дом.

— Я знаю одного человека, который может вам сообщить кое-что об этом, — сказал мальчик, бывший когда-то поставщиком дома Стэнтона. Это м-р Геннингс, содержатель гостиницы для разношноры. Он знаком с старушкой, бывшей долгое время экономкой у старого Стэнтона, а потом и у его наследника, который с ума сошел.

М-р Стэнтон отправился в гостиницу для разношноры.

— Вы спрашиваете, сударь, знаю ли я дом м-ра Стэнтона, заговорил словоохотливый трактирщик. Это все равно, что если бы вы спросили, знаю ли я гостиницу для разношноры. Как не знать! Вот уже 50 лет, как я живу в этих местах.

— Вы, можете быть, знали вдову Феликса Стэнтона, мальчика и девочку, которые жили в этом доме и после смерти дяди? — Девочку видели в пять, теперь не могу припомнить, а уж мальчик то и видеть не один раз. Он иногда приходил ко мне с миссис Топлис, моей знакомой, которая служила у них экономкой. Это был хиленький, худенький ребенок, одетый в какое-то старомодное платье; да и кроме того я помню, о нем ходили разные слухи...

— Что же такое о нем рассказывали? — Многие, сударь, говорили об этом мальчике при жизни, а еще больше после его смерти. Все думали, что ему достанется наследство. Впрочем обо всем этом вы можете узнать подробнее от самой миссис Топлис.

— А где я могу ее найти? — Ах, сударь, извините пожалуйста, главное то я и забыл сказать. К сожалению миссис Топлис находится в настоящее время в Ламбетской богадельне.

При последнем известии у Эдгара Стэнтона зашевелилось сердце. Так вот какую пользу принесло богатство его родным и близким к ним людям! — Господи, да куда же он думает, — воскликнул м-р Стэнтон, оглядываясь кругом и к изумлению своему замечая, что он очутился на чердаке. Крошечная дверь, в которую он вошел и запер за собой, и служившая наглухо заколоченного окна, другого выхода не было из этой комнаты, точно так-же, как не было там ни шкафа, ни даже ящика, где он мог бы спрятаться: вся мебель состояла из дитяской кроватки, соломенного стула и пологой ухаживалки.

Странно, — пробормотал м-р Стэнтон, выходя оттуда в смущении.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

— Очень странно, — повторял он, идя по коридору. — Я действительно не могу понять, что это значит, — продолжал он, медленно спускаясь с лестницы, но тут он вдруг остановился. — Да это есть привидение, — громко воскликнул он и голос его дико прозвучал в этом безмолвном пустынном доме. — Это и есть привидение, — повторял он и с поникшей головой побрел в свою комнату.

В последнее время просиявшие дни одиет одиет...

Наконец, я нашла миссис Мэй, но она, к несчастью, в это время была больна, а когда, по выздоровлении, пришла к нам, мальчик уже не было в живых.

— Так, ну а что было дальше? — Я не люблю об этом рассказывать, сударь, но так же верно, как то, что мы теперь с вами разговариваем, — в ту самую ночь, когда ребенок умер, он, как и накануне, ходил по всем комнатам и искал сестру. Я думала, уж не ожил ли он, и побжала наверх посмотреть, но нить, измученный ребенок лежал неподвижно в своем маленьком гробу. С тех пор он нас не покидал, и это то именно и свело с ума мистера Альфреда. Во время сильных припадков ему мерещилось, что он борется с ребенком, топчет его ногами, душит его; тогда он начинал рыдать на весь дом, умоляя, чтобы убили ребенка. Говорят, будто перед смертью он пришепнул себе и признавался, что для горюх ему о своем намерении оставить все состояние явучу, но что будто бы он этого завещания не выдал. Впрочем, может быть, это только так болтали, а может быть он говорил в бреду.

ГЛАВА V.

НЕОЖИДАННОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ.

Чтобы отогнать от себя тяжелые мысли, м-р Стэнтон занялся своим садиком, и вот, в то время, когда он обривал и подстригал кусты, две дамы остановились у железной решетки калитки и стали рассматривать фасад дома.

— Как видно, в нем теперь живут? — сказала старшая из них, обращаясь к сопровождавшей ее молодой девушке. Впрочем, новый владелец думает здесь поселиться. Однако дождь вынуждает нас ждать, как и всегда.

Вряд ли вы его помните, Мери? — Напротив, чем больше я всматриваюсь, тем больше все здесь мне кажется знакомым. Я даже смутно припоминаю некоторые комнаты, так же как и Южана. Я долго бы дала, чтобы мне позволили войти в дом.

Услышав это, м-р Стэнтон отворил калитку и спросил дамы, не желают ли они осмотреть дом.

М-с Мэй (это была она с своей племянницей) не решилась войти, но когда молодая девушка шепнула ей «пожалуйста, тетя, войдем», она поблагодарила незнакомца, которого приняла за садовника.

— Но, может быть, это не понравится м-ру Стэнтону? — приваляла она.

— Ничего, — сказала незнакомка, — вы можете, если хотите, пройти по всем комнатам; там нить ни души. Я один живу в этом доме.

— Вы, вероятно, управляющий? — спросила ласково м-с Мэй.

— Да, нить в роде.

— Мне кажется, что это вовсе не управляющий — заметила молодая девушка, когда они вошли в дом.

— А кто же, по вашему? — спросила тетя.

— Сам мистер Стэнтон.

— Не может быть — сказала м-с Мэй. Тем не менее она подошла к нему и с любопытством взглянула на незнакомца, который, заложив руки в карманы, ходил взад и вперед по дорожкам. Обойдя весь дом и заглянув во все комнаты, он подошел к занятию своему, а молодой человек, который, облокотившись о колонну главного крыльца, повидому, ожидал их возвращения.

— Мы очень, очень благодарны вам — проговорила несколько сконфузившая м-с Мэй.

— Право, не за что. Стоит ли об этом говорить.

— С этим домом связаны очень грустные воспоминания для этой молодой девушки, продолжала м-с Мэй, все еще неуверенная в своих предположениях.

М-р Стэнтон взглянул на молодую девушку и, не смотря на то, что она была под вуалью, заметил, что она плакала.

— Я так и думаю, сказала она. Это мисс Фенлон, если я не ошибаюсь.

— Вы угадали, а можете узнать, с кем мы имеем удовольствие...

— Эдгар Стэнтон, отвечал хозяин дома, протягивая им руку. Хотя я здесь живу совершенно один, тем не менее могу предложить вам чашку чая, и вы мне сдубаете большое одолжение, если дадите возможность хоть на короткое время забыть о моем полном одиночестве в Англии.

М-с Мэй охотно согласилась и четверть часа спустя все трое сидели у каминя, в котором весело трещали огни, придавая счастливую другую вид этой мрачной комнате.

— Все прошлое как будто воскресло в моей памяти, сказала молодая девушка расторопным голосом, обращаясь к тетке. Сколько раз мы с Южанием сидели у этого самого каминя и любовались его огненными картинами.

В то время, как она это говорила, кто то, из лезающего ужаса хозяина дома, вошел в комнату и приблизился к молодой девушке.

Это был ребенок. Он уже не заглядывал больше во все углы, как было раньше, прежде, но тихо и неподвижно стоял возле сестры, прижавшись к ней своей худенькой фигуркой и устремив пристальный взгляд на ее лицо.

Слава Богу, она его не видит, подумал м-р Стэнтон, вздохнув свободнее.

Когда она встала, чтобы уйти, унес с собой обильные молодости и красоты, оставившие на время этого унылого дома, ребенок проводил ее до порога и мгновенно исчез.

В тот же вечер позвонил, когда м-р Стэнтон сидел уже один перед пылающим каминем и может быть любовался теми же самыми картинами, которыми, по рассказам Мери, доставляли такое удовольствие ей и Южану во время их безотрадного детства, они чувствовали, даже не оборачиваясь в его сторону, что ребенок опять был около него.

М-р Стэнтон думал о бесконечно длинных годах, проведенных умершим ребенком в тихих поисках за сестрой, которая его почти забыла, и глубоко вздохнул, и этот вздох отозвался едва слышимым эхом в маленькой груди стоявшего возле него бывшего ребенка.

М-р Стэнтон старался воспроизвести в своей памяти унылый облик так неожиданно посетившей его молодой хозяйки; он нашел несомненное сходство между ней и маленькой девочкой, какую она представляла его воображению, когда то бродившей по этим пустынным комнатам, обвивавшейся с братом-близнецом, с которым она жила одной жизнью, деляла горю и сиюминутную радость...

В то мгновение м-р Стэнтон почувствовал, что ребенок прикоснулся к его руке.

Обернувшись, он увидел, что на лице мальчика не осталось и следа прежней грусти.

Ребенок нахмурился наконец то, что так долго и неустанно искал, и уже незаметно было ему бродить как прежде по всему дому.

ГЛАВА VI.

ЗАВЯЩАНИЕ НАЙДENO.

Несколько времени спустя, дом был неузнаваем: все окна настежь, кладовые и погреба

переполнены всевозможными запасами, м-с Топлис снова при исполнении своих обязанностей, но уже не одна, а с целой толпой горничных и лакей, которыми она могла вволю похвастаться.

Пастушья радость праздники. В дом м-с Мэй была большая суматоха. Вся семья собралась провести сочельник у вновь приобретенного кузена, который все-таки сразу пришелся по душе.

Мери тоже готовилась к вечеру, как вдруг — целая ватага маленьких кузин и дученных ворвалась к ней в комнату, шумно объявляя, что какой то господин желает видеть Мери, а она присладал сказать, чтобы она поспешила выйти в гостиницу.

Мери тотчас же сошла вниз, где ее ожидал тот самый клерк из конторы Тимпсона,